

Евгений Деменок

Италия. Страна бесконечных сокровищ

Человек устроен так, что наибольшее разочарование ему приносит несовпадение ожиданий и реальности – в том случае, конечно, когда ожидания оказываются завышенными. И наоборот: когда не ожидаешь ровным счетом ничего и вдруг наталкиваешься на что-то совершенно великолепное – тогда восторгу нет предела.

Так случилось у нас этим летом в Италии, когда по приглашению Веры Митурич-Хлебниковой мы приехали погостить в ее небольшую квартиру в маленьком городке Роккасекка, находящемся как раз на полпути между Римом и Неаполем. В Италии даже маленькие города являются средоточием великой истории – в Роккасекке, например, родился и вырос Фома Аквинский.

Две с половиной недели в Роккасекке предоставили нам чудесную возможность часто ездить в Неаполь, о чем я давно мечтал – ведь тут жили мои знаменитые родственники. Двоюродная сестра моего прапрадедушки, Тихона Александровича Квятковского, была женой Михаила Бакунина. Звали ее Антонина Ксаверьевна Квятковская, и в браке с Бакуниным (но, скорее всего, не от него, а от его близкого друга, адвоката и анархиста Карло Гамбуцци) у нее родились трое детей, Карло, Мария и София (позже в уже официальном браке с Гамбуцци у них родилась дочь Татьяна). Мария стала профессором химии в Неаполитанском университете и была одно время президентом Академии Понтаниана, а у Софии в браке с хирургом Джузеппе Каччиополли родился сын Ренато, ставший знаменитым математиком и антифашистом. Так что главной целью моих поездок в Неаполь стали

поиски следов своих родственников. Улицы Марии Бакуниной и Ренато Каччиополли я нашел быстро, химический факультет университета – тоже, а вот поиски семейного склепа Бакуниных-Гамбуцци в связи с масштабными восстановительными работами на кладбище пришлось отложить.

Пока я рыскал по следам родственников, моя семья не тратила времени зря и исследовала неаполитанские музеи и достопримечательности, немедленно делясь со мной своими восторгами, после чего я следовал за ними. Количество музеев несметно, но наибольшее потрясение вызвал у нас музей Каподимонте и королевский дворец в Казерте.

Неаполитанский музей Каподимонте по ценности своей коллекции не уступает музеям Рима и Флоренции. Рафаэль, Тициан, Боттичелли, Караваджо, Питер Брейгель-старший, Эль Греко, Гойя, Мазаччо, Лотто, Вазари, Микеланджело, Джованни Беллини, Пармиджанино, Мантенья – список далеко не полон. Тут представлены помимо богатейшей коллекции семьи Фарнезе картины семьи Борджиа, гобелены семьи Авалос, фарфор Марии-Амалии

Саксонской, отдельно – залы с оружием, рисунками и эстампами, коллекция прикладного искусства Марио де Чиччо и так далее, и так далее. Музейное пространство великолепно организовано, а бесконечная анфилада залов дворца Бурбонов, построенного по приказу Карла VII, короля Неаполя и Сицилии, а по совместительству короля Испании и герцога Пармы, производит потрясающее впечатление. Такое же впечатление производит и городской парк Каподимонте, из которого открывается сногшибательный вид на город и Неаполитанский залив.

Из шедевров коллекции Каподимонте мне больше всего запомнились две работы: знакомая всем нам с детства по репродукциям «Притча о слепых» Брейгеля-старшего и портрет Луки Пачоли работы Якопо де Барбари.

Именно Брейгель вдохновил Мориса Метерлинка написание пьесы «Слепые», Герта Хоффмана на создание романа «Притча о слепых», поэта Уильяма Карлоса Уильямса на серию стихотворений. И Бодлера тоже:

О, созерцай, душа: весь ужас жизни тут
Разыгран куклами, но в настоящей драме
Они, как бледные лунатики, идут
И целят в пустоту померкшими шарами.
И странно: впадины, где искры жизни нет,
Всегда глядят наверх, и будто не проронит
Луча небесного внимательный лорнет,
Иль и раздумие слепцу чела не клонит?
А мне, когда их та ж сегодня, что вчера,
Молчанья вечного печальная сестра,
Немая ночь ведет по нашим стогнам шумным
С их похотливую и наглой суетой,
Мне крикнуть хочется – безумному безумным:
«Что может дать, слепцы, вам этот свод пустой?»

А на великолепной работе Якопо де Барбари, написанной около 1500 года, изображен великий Лука Пачоли, нищенствующий монах-францисканец, который изобрел основу сегодняшнего бухучета, двойную запись (кстати, главную книгу тоже он при-

думал). Пачоли начинал как подмастерье у художника Пьерро делла Франческа, но больше его увлекала математика. Он – автор «Суммы арифметики, геометрии, отношений и пропорций», трактатов «Об игре в шахматы», «О счетах и записях». В Милане, где Пачоли возглавлял созданную им же кафедру математики, он сдружился с Леонардо да Винчи, который и проиллюстрировал трактат «Об игре в шахматы», называвшийся еще «Отгоняющий скуку». Да Винчи приписывают и часть изложенных там шахматных задач. Вместе они работали и над трактатом «Божественная пропорция» – Леонардо также его проиллюстрировал. Возможно, знаменитый «Витрувианский человек» как раз создавался изначально как одна из иллюстраций к трактату Пачоли. Более того, есть мнение, что и собственно портрет Пачоли принадлежит кисти не Барбари, а Леонардо.

Вторым потрясением стал королевский дворец в небольшом городке Казерта в двадцати минутах езды от Неаполя. Это самое большое здание, построенное в Европе в XVIII веке. Во дворце пять этажей, тысяча двести комнат, в том числе два десятка парадных квартир, 1742 окна, 34 лестницы, 1026 каминов, большая библиотека и театр, созданный по образцу театра Сан-Карло в Неаполе. Общая его площадь – шестьдесят одна тысяча квадратных метров. Неаполитанские (или Сицилийские) Бурбоны решили построить дворец в Казерте, потому что дворец в Неаполе был уязвим для нападений со стороны моря.

Дворец строился по проекту архитектора Луиджи Ванвितелли (он был голландцем, ван Виттелем, в Италии изменил фамилию), который взял за образец не столько Версаль (хотя, конечно, с Версалем шло негласное соревнование), сколько королевский дворец в Мадриде, где провел детские годы тогдашний король Карл VII (в Испании он был Карлом III, а вообще он двоюродный брат Людовика XV).

Строительство дворца продолжалось с 1752 (первый камень заложили 20 января, в 36-й день рождения короля) по 1780 год (в 1789-м дворец начали заселять, а все работы были завершены аж в 1845 году), при этом был полностью изменен ландшафт, а город Казерта перенесен на десять километров. Не все идеи Ванвителли удалось воплотить – так и не были построены университет

и библиотека, не построили двадцатикилометровую подъездную аллею. Зато вокруг дворца был разбит самый обширный из регулярных парков Италии с фонтанами и колоссальным акведуком.

В 1759 году Карл VII вернулся в Испанию, его место занял его сын Фердинанд IV. Работы шли быстро, но позже замедлились из-за эпидемии холеры и голода. В 1773 году Луиджи Ванвители умер, и работу продолжал его сын Карло (вот польза обучения детей своему ремеслу). С провозглашением Неаполитанской республики в 1799 году дворец, как и другие владения короны, экспроприровали, мебель была разграблена и восстановлена после Реставрации. Строительные работы также продолжались в течение «французского десятилетия». Стендаль писал: «Мюрат пытался достроить этот дворец; фрески еще хуже парижских, а убранство великолепнее».

К моменту завершения строительства мода на подражание Версалю ушла в прошлое, так что комплекс в Казерте стал последним грандиозным дворцово-парковым ансамблем в истории

Европы. 22 мая 1859 года во дворце умер Фердинанд II, король Обеих Сицилий.

В 1997 году ЮНЕСКО объявила дворец памятником Всемирного наследия человечества. В Казерте проходили съемки двух приквелов «Звездных войн», фильмов «Миссия невыполнима», «Код да Винчи», «Ангелы и демоны».

Если вы доберетесь до дворца в Казерте и соберетесь прогуляться по парку, категорически рекомендую взять напрокат велосипед или отстоять очередь и проехать на небольшом автобусе – пройти его пешком, особенно в жаркую погоду, испытание серьез-

ное. Парк имеет площадь сто двадцать гектаров и длину почти километра, причем скрыться от солнца особо негде.

Еще одно неожиданное открытие мы сделали на севере Италии. Цель была простой – заехать по пути в Чехию на озеро Гарда, чтобы хотя бы полдня полюбоваться его красотами. Переночевав в крошечной деревушке Арланч, где живут всего четырнадцать человек, мы направились было к озеру, но я предложил минут на сорок заскочить в город Роверето, о котором мы раньше никогда не слышали, чтобы хоть одним глазком взглянуть на музей современного искусства Роверето и Тренто (MART), в котором, как я прочитал ночью, находится хорошая коллекция работ итальянских футуристов. И появился этот музей благодаря вдохновенной деятельности человека, которого звали Фортунато Деперо.

Скажу сразу: это один из лучших музеев, которые я видел в своей жизни.

Когда Маяковский писал о том, что единица – ноль и вздор, он был категорически неправ. Примеров того, как единица меняет

историю, множество. Взять, например, историю Деперо. Он вырос в итальянском Роверето, где учился у мраморщика и работал декоратором. В 1913 году прочитал в газете статью основателя футуризма Филиппо Томмазо Маринетти, которая его необычайно вдохновила. В 1914-м Деперо переехал в Рим, где познакомился с Джакомо Балла. В 1915-м они написали совместный манифест под названием «Riconstruzione futurista dell'Universo» («Футуристическая реконструкция Вселенной»). Деперо стал своим в кругу футуристов и проявил себя как всесторонне талантливый человек – он выступал как художник, дизайнер, скульптор, график, иллюстратор, театральный оформитель и писатель.

В 1919 году Деперо основал Дом футуристического искусства в Роверето, который специализировался на производстве игрушек, гобеленов и мебели в футуристическом стиле. В 1925 году он представлял футуристов на «Exposition Internationale des Arts Décoratifs et Industriels Modernes» (Международной выставке современного промышленного и декоративного искусства)

и представил зал футуристов на «Monza Biennial». В 1927 году вместе со своим другом, рекламным агентом и издателем Феделе Азари (Динамо-Азари) Фортунато Деперо разработал «Depero futurista 1913-1927» – так называемую «книгу на болтах», которая была напечатана в его родном Роверето и представляла Деперо как художника, графического дизайнера и ремесленника.

С 1928 по 1930-й Деперо жил в Нью-Йорке, разрабатывал обложки для журналов «The New Yorker» и «Vogue» и занимался дизайном интерьеров. Созданный им в Нью-Йорке Дом футуристов быстро закрылся – Великая депрессия была безжалостна. В 1930-м он вернулся в Италию, где основал журнал «Динамо», а в 1931 году в Риме издал альманах «Футурист «Кампари», где опубликовал «Манифест искусства

рекламы» («Manifesto dell'arte pubblicitaria»). Кстати, созданный им в 1932 году дизайн бутылки для «Campari Soda» используется до сих пор.

Русские и украинские футуристы в большинстве своем поддерживали коммунистов, итальянские – фашистов. Не стал исключением и Деперо. Он поддерживал Муссолини и выпустил в 1943 году сборник националистических стихотворений. Понятно, что после окончания войны он был подвергнут травле и решил снова уехать в США, где жил с 1947 по 1949 год. Одним из его достижений во время второго пребывания в Соединенных

Штатах стала публикация «Так я думаю, так я рисую» – перевода его автобиографии, первоначально выпущенной в 1947 году в Тренто. Он продолжал мечтать о создании большого музея футуризма. Вернувшись в Италию, Деперо публикует в 1950 году художественный манифест «Pittura e plastica nucleare» («Атомная живопись и скульптура»), возродивший интерес к его творчеству. А в 1959-м он наконец открыл Галерею-музей Деперо в Роверето – первый музей футуристической живописи в Италии. Сейчас «Casa d'arte futurista Depero» является одной из локаций совершенно гениального музея MART – Музея современного искусства Роверето и Тренто. По сути, MART возник именно потому, что Деперо создал свой собственный музей, и в коллекции MART сейчас множество работ Деперо и работ из его коллекции, а его личный архив стал базой для создания архива и библиотеки в MART, где сейчас собраны личные архивы художников, арт-критиков и архитекторов.

Вот так мечта одного человека о создании музея футуризма изменила жизнь целого города – в MART проходят выставки мирового уровня, причем одновременно по две-три, и туда приезжает множество туристов и исследователей.

Понятное дело, что MART специализируется на футуризме – среди пятнадцати тысяч работ в постоянной коллекции есть работы Балла, Карра, Руссело, Северини. Есть и работы других итальянских художников XX века – среди них Де Кирико, Моранди, Фонтана.

А еще в музее есть огромный архив – более восьмидесяти личных коллекций. Это десятки тысяч писем, рисунков, фотографий, монографий (85000 томов), каталогов (12000 томов), газетных и журнальных публикаций (1600 периодических изданий), а еще коллекция оригинальных футуристических публикаций – в общем, вся хронология итальянского искусства XX века.

Помимо собственно музейной коллекции мы посмотрели три совершенно потрясающие выставки – ретроспективу Алекса Каца, «Art and Eros» (Пьер Клоссовски, Кароль Рама, Ханс Беллмер, Пьер Молинье), выставку под названием «La forza del vero. I pittori moderni della realtà», ставшую для меня главной выставкой года. Это выставка группы художников, впервые выступивших совместно в 1947 году в Милане. Тогдашняя экспозиция называлась «Живопись группы современных художников-реалистов», и ее участниками, как и участниками сегодняшней выставки, стали Григорий Шилтьян, братья Антонио и Ксавьер Буэно, Пьетро Аннигони, Джованни Аччи, Карло Гуарьенти и Альфредо Серри. В 1948 году Шилтьян организовал повторную выставку этой же группы в Риме, и вот теперь она воспроизведена в Роверето. Родившийся в Ростове-на-Дону и умерший в Риме Шилтьян, на чье

творчество оказали в определенной степени влияние Караваджо и де Кирико, друживший до эмиграции с Судейкиным, Сориным, Гоziасоном, Евреиновым, братьями Зданевичами, Тицианом Табидзе, стал позже одним из самых знаковых итальянских художников прошлого века.

Нужно ли говорить, что задержались мы в музее до самого конца дня, так и не поехав на озеро?

А еще при музее совершенно гениальное кафе.

Италия, одним словом.

